

«ПОСЛУШАЙТЕ, ведь там же все сказано!», — удивлялся А. П. Чехов, когда актеры Московского Художественного театра досаждали ему бесконечными вопросами на репетициях. Они искренне не понимали, как сыграть ту или иную роль, — автор же, в свою очередь, совершенно не знал, чем им помочь: «Я же доктор, я не режиссер», — оправдывался он.

С тех пор пьесы А. П. Чехова, инсценировки его рассказов и повестей ставились сотни раз на сценах и киноэкранах всего мира, но и по сей день для театра и кинематографа Чехов остается едва ли не самым загадочным драматургом. Его загадочность так притягательна, что каждое поколение пытается по-своему разрешить ее, предлагая каждый раз нового, «своего» Чехова. Сегодня в чеховских пьесах, рассказах, повестях мы чаще всего ищем серьезного Чехова, почти трагического, который умел видеть в повседневности события исключительные, а в человеке, казалось бы, ничем не примечательном, открывать возможности безграничные... Вот почему нам оказалась близким фильм Н. Михалкова «Неоконченная пьеса для межаконческого пианино». М. Швейцер в фильме «Смешные люди» показал нам не только Чехова — сатирика, фельетониста, но, приподняв нашу маску высокомерия и призрачного величия, заставил самим себе улыбнуться. И все же эти фильмы (к ним можно прибавить немного), открывающие «нового», своего Чехова, — исключение. Современный кинематограф в обращении к классике напоминает либо прилежного ученика, старательно вчитывающегося в текст, либо, что еще хуже, расточает автору бессмысленные комплименты, подобно

ПАРАДОКСЫ ОБЫДЕННОСТИ

О телевизионном фильме «Невероятное пари, или Истинное происшествие, благополучно завершившееся сто лет назад».

Беликову — «человеку в футляре», который прославлял на все лады любимый греческий язык.

Не все получилось и у авторов нового фильма В. Мотыля «Невероятное пари, или Истинное происшествие, благополучно завершившееся сто лет назад» (сценарий Е. Митько) по рассказам А. П. Чехова, который недавно был показан по Центральному телевидению. Но путь, намеченный ими, требует внимательного рассмотрения.

В этом фильме не увидишь ставших привычными для чеховских экранизаций так называемых «маленьких людей» — персонажи словно укрупнились. У них у каждого своя история, которую они беззастенчиво объявляют нам. Вот несчастный муж изливает свое горе первому встречному, вот мельник, протягивающий старой матери блестящую двадцатипечечную монету на бедность, а вот сапожник, получивший заказ на пошив сапог для самого черта...

Что заставило старую женщину пройти многие километры по пыльной дороге? Отчего судьба мужа оказалась в руках вздорной жены и та играет с ним, как с котенком? Почему сапожник, во сне став богачом, сразу отшвыривает от себя такого же несчастного сапожника? Герой в фильме В. Мотыля не прозябает —

они пытаются ответить на волнующие их вопросы, докопаться до истины, но жизнь ставит перед ними новые задачи, которые требуют незамедлительного решения. Они с головой в своих заботах, и никакая, даже бесовская сила неспособна отвлечь их от мирских дел. Режиссер соединяет судьбы чеховских героев сюжетом рассказа «Пари», но связывает их и более прочная связь. Каждый персонаж держит собственное пари с жизнью, и условия этого пари как раз и определяют его судьбу. Так возникнет в фильме два плана: первый — собственно сюжет, развивающийся по своим законам, и второй — открывающий внутреннее значение происходящих событий.

Этот режиссерский ход помог создателям фильма избежать однозначности, позволил нескольким сюжетам развиваться параллельно, что очень по-чеховски: сюжет у Чехова словно продолжает предыдущий, и автор, как магический кукловод, держит в руке тысячи невидимых нитей.

Вот почему проявились и зазвучали в фильме темы, которые мы куда как редко слышали раньше. Юрист через пятнадцать лет со дня заключения роковой сделки покинет маленький флигель — место добровольного заточения,

наденет на спину легкую котомку и пойдет: сначала по улице города, потом по проселочной дороге, потом по полю и лесу — все дальше и дальше, отмеряя шагами свою жизнь. Мимо него будут проходить, проезжать, пробегать уже знакомые нам люди: банкир, занятый постоянными подсчетами, несчастный муж, привычно улыбающийся своей опостылевшей жене, странный сапожник... Все они только на мгновение оглянутся вслед уходящему человеку и вновь вернутся к своим делам — для них пари еще продолжается.

Но все же иногда фильм из чеховской полифонии скатывается к заданной морали. И когда авторы начинают упорно доказывать нам, что человеческая жизнь измеряется не материальными, а духовными ценностями, становится неинтересно: мы знаем это и так. Чехов никогда не был моралистом, не готовил однозначного ответа на жизненные вопросы. Кстати, именно поэтому так трудно были репетиции первых постановок его пьес в Московском Художественном театре: актеры требовали от автора объяснений, а он, смущенно пожимая плечами, предлагал им самим искать ответ.

Сегодня классика на теле- и киноэкране не может удивить готовой моралью и признанием давно известных истин. Объект ее изучения — бури и страсти человеческой личности. Пусть не во всем ровный, но показавший нам, с помощью прекрасных актерских работ А. Петренко, Б. Плотникова, И. Муравьевой, М. Заказова и других, неординарные человеческие характеры фильм В. Мотыля — новый интересный шаг в освоении отечественной классики.

О. СМИРНОВА.